

ДРЕВНИЙ МИР

Елена Прекрасная

Из женщин, чья красота повлекла за собой самые серьезные последствия, пожалуй, нет равных одной женщине-легенде — «прекрасной, лилейно-раменной» Елене Спартанской. «Она... воспламенила вождей, расколола мир войной и обрела позорную славу своей постыдной красотой», — сказал о ней древний поэт Иосиф Искан.

Древние биографы Елены приписывают ей полубожественное происхождение. Якобы Зевс, приняв образ лебедя, сочетался с царицей Спарты Ледой. По другой версии — с Немезидой, а Леда вместе с царем Тиндареем по воле Гермеса стали приемными родителями Елены. Иные же придерживаются более простого объяснения. В правила гостеприимства того времени входило принести в дар дорогому гостю свою жену на ночь. Так или иначе, ясно одно: отец девочки должен был обладать высокоблагородной, просто-таки неземной красотой, ибо дочь его стала на все века символом красоты совершенной, божественной.

Царь с царицей не меньше всех прочих были восхищены Еленой, видя в ней чудо света, — с младых ногтей к девочке была приставлена специальная охрана. Эта опека потом ей изрядно надоеет, хотя справедливости ради следует признать, что охота за «спартанским сокровищем», начавшись с самого рождения, никогда потом не прекращалась. Елена была похищена как минимум дважды: еще до Париса и даже до достижения зрелости Елену прямо из храма Артемиды во время отправления ритуала похитил и увез в Афины герой Тезей, который, не будучи в то время особо загружен подвигами, исполнил тем самым очередную

прихоть своего дорогого друга Пирифоя (в другой раз он уведет для него из царства мертвых богиню Персефону).

Возвращать сестру пришлось Диоскурам — Кастору и Поллуксу, стоптавшим в поисках «чуда света» не одни сандалии. О местонахождении пленницы проболтался афинянин Академ. Братья были обескуражены: за сокровище во плоти не пришлось даже драться, Тезей не видел в нем никакой ценности. Да и сама Елена не заметила в своем заточении мало-мальского насилия, герой не только не воспользовался неземной красотой, но сразу же по возвращении в родные пенаты сбросил ее на руки своей матери. Во всяком случае, так она рассказала братьям. Проверять никто не стал, все были так рады возвращению пропажи, что пожурили и поверили на слово.

Ах, как наивны бывают люди! Истинное положение Елены было известно только Клитемнестре — ее старшей сестре, супруге Агамемнона, ибо к ней в Микены (по дороге домой) Елена заехала уже в положении. Откуда чадо? Все подумали — от Тезея, а Павсаний взял и записал. С тех пор Тезею приписывается незаконнорожденное дитя. Спасая Елену от позора в Спарте, Клитемнестра сделала больше, чем сестра: она приняла и воспитала маленькую Ифигению как собственную дочь. А вернувшийся из похода Агамемнон почему-то совсем не удивился и даже признал себя отцом.

До поры до времени все для красавицы шло как по маслу. Громкая известность, связанная с именем Тезея, после вояжа в Афины и обратно была обеспечена, о Елене узнал и мал, и велик — у всех появилась одна и та же тайная мечта. Цедрений в порыве спорадического вдохновения даже не постеснялся записать на огрызке пальмового листа яркие картины своего возбужденного воображения: «У нее большие глаза, в которых светится необыкновенная кротость, пурпуровый ротик, сулящий самые сладкие поцелуи, и божественная грудь». По-видимому, так и появилась эротическая поэзия. По всей ойкумене находчивые люди организовали целое производство чаш для алтарей Афродиты, вылитых «по форме груди Елены Прекрасной». Что говорить, сам Овидий, ни разу не видя объект описания, утверждал, что совершенная красота Елены не нуждалась в других украшениях, носимых обычно гречанками, целомудрие же, мол, такой красавицы было обречено с самого начала: где бы сокровище ни спрятали, все равно бы кто-нибудь да нашел и... перепрятал.

Обстановка накалялась. На дворе Тиндарея образовалась толкучка из женихов, запись на сватовство растянулась на всю Элладу, включая архипелаги, острова и области в Малой Азии. Царь понимал: надо срочно снимать этот опасный ажиотаж, но как? Объявить состязание за руку и сердце дочери — да они же перебьют друг друга!

Как повелось у древних греков, что бы ни случилось, придерживайся правила номер один: во всех непонятных ситуациях зови Одиссея. Заручившись поддержкой Тиндарея в вопросе женитьбы на Пенелопе, «хитроумный» изрек убедительно звучащий совет: чтобы предупредить казавшуюся неизбежной резню, надо взять честное слово с каждого не враждовать с будущим избранником, а напротив, любить и всячески оберегать своего победителя до гробовой доски.

Дело не терпело отлагательств. Не дожидаясь даже возвращения Елены, слава которой мчалась впереди нее самой, Тиндарей решил провести ритуал клятвы с обязательным — для пущей убедительности — жертвоприношением. Так была зарезана самая породистая в Спарте лошадь. Клялись в буквальном смысле на крови — на теплых еще кусках мяса только что убиенного животного, место захоронения которых обрело в народе название «Лошадиная могила». Сделав это кровавое дело, Тиндарей уже собирался объявить результаты выборов мужа для дочери. Чтобы не поднялась потом спекулятивная шумиха о возможных фальсификациях, пришлось пойти на крайние меры и сделать фальсификацию невозможной в принципе — выбирал сам, единолично, без привлечения посредников. И вот настал долгожданный момент. Все кандидаты напрялись, сгустилась мучительная пауза.

И тут явилась Елена. Узнав, что здесь в ее отсутствие творится, она обвела своим небесным взором эту животрепещущую толпу и указала божественным перстом на одного белобрысого в третьем ряду. «Ммм... — замычал белобрысый, — Ммме-е... Ммменелай», — представился он, истекая потом от волнения. «Годится, — решила сиятельная невеста, которой как раз нужен был муж для отвода глаз от Ифигении, оставленной в Микенах. — С этим всегда можно будет договориться, если захочется другого».

Так Атрид Менелай получил прекрасную царевну и полцарства в придачу, унаследовав после смерти Тиндарея спартанскую

корону. Всех же остальных, как это у древних греков вечно случается, постиг слепой рок.

За недолгую, но насыщенную семейную жизнь новобрачных в роду Атридов стало больше на одну девочку (ее называли Гермiona) и трех мальчиков (Этиол, Марафий и Плисфен). Больше плодов сие древо не дало.

Не каждая красота спасает мир. Превосходная красота вызывает чесотку на руках у тех, кто не может ее явственно осязать. Все только начиналось. В следующем акте на сцену выходит Парис.

Вообще-то Париса звали Александром, прозвище же он получил за то, что был найден в корзине, будучи брошен своими родителями. Дело было так.

Когда августейшая семья Трои ждала второго мальчика (первым был Гектор) и Гекуба, его мать, была уже на сносях, ей приснился страшный сон: будто из утробы ее выходит не ребенок, а пылающий факел, сжигающий Трою дотла. Спрошенный на всякий случай царем Приамом оракул не стал скрывать: так и будет. И от всего сердца дал добрый совет: чтобы не случилось лихо, царственная троянка должна быть умерщвлена немедленно. Приам сделал вид, что не вполне понял, но для очистки совести лишил жизни свою сестру Киллу, только что непонятно от кого успевшую родить Мунита, и самого бастарда заодно. Вечером того же дня разродилась Гекуба.

Увидев, с какой хитроумной гибкостью царь Илиона (как называли Трою греки) пытается обвести вокруг пальца самого себя, к уже спрошенному оракулу хором добавились и те, кого вообще никто и не спрашивал. Все в один голос по-хорошему просили: будь человеком, убей хотя бы сына! Приаму пришлось напрячь весь свой недюжинный интеллект и принять поистине соломоново решение. По его просьбе пастух Агелай отнес ребенка на гору Ида и оставил там на произвол судьбы. На Иде в те дикие времена жили одни медведи.

Но Парис еще нужен был богам для дела, важность которого переоценить было невозможно, — стереть с лица земли прекрасный город, — так что среди прочих медведей нашлась все-таки одна добрая медведица, которая оказалась сердечнее многих, вскормив человеческого детеныша заодно со своими мишками.

Повзрослев, Парис огляделся по сторонам и не нашел на этой Иде ничего лучшего как стать пастухом. На Олимпе было решено начинать представление.

Во время одного из олимпийских симпозиумов, где вино лилось рекой, богиня раздора Эрида как бы невзначай, но уже предвкусывая последствия, бросила в толпу золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». В итоге женское население Олимпа почти в полном составе показательно перессорилось, впрочем, не без удовольствия. Афродиту, Геру и Афину, ввязавшихся в драку за яблоко, отказался разнимать сам Зевс, резонно решив, что спокойнее будет передать право выбора... Парису. А что — прекрасный юноша, лишенный разлагающего влияния общества, выросший на лоне не менее прекрасной природы... Гермес получил указание отвести разгоряченных богинь на Иду — пусть Парис решает, кому из них ломать зубы о золотое яблоко.

Увидев милую троицу и выслушав сопровождавшего ее Гермеса, Парис, пасший в это время коров, лежа под деревом, обратил внимание делегации на свою крайнюю занятость, а впрочем... пожалуй, если богини перед ним разоблачатся, он смог бы уделить минутку-другую на рассмотрение ходатайства Громовержца.

Его предложение получило поддержку всех присутствующих. Парис долго их разглядывал, но, так и не найдя 10 отличий, поинтересовался: «А что, собственно, вы можете предложить?» Гера предложила власть над Азией, Афина — неизменную победоносность во всех битвах Париса, Афродита... Елену. Как на беду, последний вариант показался Парису самым интересным. Еще не усматривая подвоха, не успевший разобраться в сути провокации прекрасный юноша в присутствии остальных богинь вручил яблоко Афродите. Дни неприступного Илиона были сочтены.

В Трое Париса признали благодаря погремушке из той корзины, в которой его много лет назад оставили на Иде. Приам и Гекуба приняли его как сына. Узнав о вернувшемся в город «пылающем факеле», жрецы Аполлона пригрозили забастовкой, если его не повесят сегодня же на площади и так, чтобы всем было хорошо видно, и согласились подождать до вечера. И тут Приам сказал фразу, после которой ему не на кого жаловаться: «Пусть погибнет Троя, но не мой сын!»

Парису не терпелось получить обещанное Афродитой. Под предлогом спасения плененной сестры Приама Гесионы он при непосредственной поддержке и всяческой помощи своего любящего отца снаряжает целую флотилию и отправляется в Спарту, договорившись вернуться или со своей тетей, или с какой-нибудь гречанкой царского рода в качестве выкупа. Видят боги, Приам знал, на что он шел! Не мог он предвидеть одного — что эта самая гречанка окажется женой вооруженного до зубов соседа и будет вероломно похищена из его дома, самым оскорбительным образом, с нарушением всех правил гостеприимства.

Афродита выполнила свою часть договора: под влиянием ее чар Елена была немедленно сражена красотой и красноречием Париса. Погрузив на корабли все, что плохо лежало (примерно полцарства) в придачу к «гречанке царственного происхождения», Парис расправил паруса. До гибели города с двухтысячелетней историей оставались считанные годы.

Это и есть рок по-древнегречески: клятва на крови была нарушена ничего не звавшим о ней персонажем. Трагедия стала набирать обороты.

Пришедший в ярость Менелай созвал у себя во дворце всех кандидатов в мужа прекрасной изменщицы, те снова увидели свет в конце туннеля и объединенными силами двинулись на Троию. Не каждая красота способна поссорить, а затем снова сплотить десятки командиров доисторических войск!

После гибели Париса в Троянской войне Елена перебралась к его брату Деифобу, а когда и того ее законный супруг убил, ворвавшись в город, вернулась снова к Менелая, любовь в сердце которого оказалась сильнее и ярости, и позора. Конечно, супруга поклялась, что все эти годы только и думала, что о побеге и возвращении к нему, а Деифоб просто воспользовался ее слабостью после смерти своего брата.

Думается, слепой Гомер, назвав Елену благороднейшей из женщин, имел в виду все-таки лишь ее полубожественное происхождение — либо говорил о какой-то другой Елене. Возможно, конечно, он намекал на то, что полубогов нельзя судить по человеческим понятиям. Хотя не исключено, что стереотипы эпохи также наложили свой отпечаток: физическая красота для эллина сама по себе считалась высшей ценностью, не требующей комментариев.

На этом белая полоса в жизни Елены обрывается. После смерти своего мужа и единственного покровителя она была изгнана из полиса его сыновьями и в поисках убежища не нашла ничего лучшего, чем остановиться на Родосе, в гостях у Поликсо, чей муж был убит в ходе Троянской войны. Месть хозяйки острова, имевшей основания считать Елену виновницей своего горя, была скорой и без особой выдумки: Елена была задушена во время купания подосланными Поликсо подружками-«фуриями».

Позже, как и следовало ожидать, образ Елены стал причиной для основания культа неземной красоты, который отправлялся в специально построенных для этого храмах на Родосе и в Лакедемонии, где, по утверждению Геродота, нет-нет да и случались разные исцеления вкупе с прочими чудесами.

Семирамида

Настоящее имя легендарной женщины, которую мы знаем как Семирамида, — Шаммурамат. Семирамида — это уже древнегреческая транскрипция. Дело в том, что в IX веке до н. э., когда жила Семирамида, еще не существовало письменности, понятной нашим историкам настолько, насколько понятны древние языки в рамках курса классической филологии — древнегреческий и латынь.

Шаммурамат — единственная известная официальной истории до Клеопатры царица древней цивилизации. Ибо Ассирия была не просто каким-то царством из многих, но единственным средоточием общественно-политической жизни и огнедышащим жерлом культуры своего времени. Разница в развитии между царями и их подданными была колоссальной — в царях видели богов, потому неслучайно Шаммурамат приписываются божественные атрибуты (прежде всего богини любви Иштар), а также сверхчеловеческие способности. По одной из легенд, Шаммурамат — дочь богини Деркетто и человека. Согрешив с нижестоящим на лестнице эволюции, Деркетто не на шутку испугалась, что боги ее деклассируют, и, смелодушничав, сокрыла плод своего греха в горах, отца же девочки умертвила. Малышку выходили голуби, а потом ее нашел какой-то пастух и вырастил.

Первым в нее влюбился военный министр Оанн. Он увел ее от отца-пастуха и долго никому не показывал, боясь, что претендентов на нее будет столько, что ему ее не уберечь.

Отголоски свидетельств о божественной красоте Шаммурамат донеслись и до основателя царства Нина. Когда ему посчастливилось ее увидеть, он уже не смог с ней расстаться и оставил у себя. Одно время Шаммурамат, слушаясь Оанна, якобы прятала от всех свою красоту, одеваясь как мальчик. Но пронизательный Нин заметил подвох и приказал снять покрывало. Так перед ним предстала прекрасная Шаммурамат.

Поставленный перед необходимостью отдать свою любовь царю, Оанн покончил с собой, вонзив себе в сердце кинжал.

Шаммурамат произвела такое впечатление на своих современников, что и в дальнейшем в истории ей приписали все лучшее, что произошло в Ассирии в период ее расцвета: строительство Вавилона, висячие сады и горные пути сообщения, все завоевания вплоть до Индии и Амона. Однако, например, так называемые Висячие сады Семирамиды были построены на два столетия позже периода ее правления.

Итак, Шаммурамат стала любимой женой ассирийского царя. Нин был от нее без ума. Он задаривал ее драгоценностями, содержал в роскоши, берег как зеницу ока. Но она не могла простить ему смерти своего супруга — даже после рождения сына, Ниния.

Совсем выбившись из сил в попытках сделать свою возлюбленную счастливой, Нин взмолился к ней с одной только просьбой: «Пожелай что угодно, и я это исполню!» И она пожелала. Трон! Нин должен был отдать ей власть на пять дней и не вмешиваться в ее действия в это время. Счастливый тем, что может хоть что-то сделать для своей ненаглядной Шаммурамат, Нин потребовал от подданных до утра облачить новоявленную царицу во все подобающие ее рангу одежды.

Заняв трон и убедившись в послушании своих подданных, она отдала приказ предать казни царя. Слуги исполнили и это. С тех пор Шаммурамат стала единовластной правительницей великой Ассирии.

Похоронив мужа по последним требованиям церемониала, царица взяла все дела государства в свои руки. Истории известны войны того времени Ассирии с Египтом, Эфиопией, Мидией,

походы в Индию. Тогда же построен Вавилон. Город-легенда был заложен правительницей как знак того, что она желала оставить на земле. Для своего времени это был мегаполис и перекресток миров, сотни тысяч человек прошли через него.

Заметив в своем подрастающем сыне от Нина едва сдерживаемую неприязнь, Шаммурамат поняла, что он узнал о смерти отца и хочет отплатить матери. Не дожидаясь противостояния с собственным сыном, она уступила ему трон. Легенда гласит, что, будучи убита сторонниками Ниния, она обратилась голубкой и улетела, а голубь стал символом души в Ассирии, чем-то вроде ангела, возвещающего благую весть. Семирамида же сначала стала легендой, а со временем превратилась в миф и богиню.

Ее имя было увековечено через два столетия Навуходоносором II (Набу-кудурри-уцур), царем уже не Ассирии, а ее наследника — Вавилонского царства, в знаменитых садах Семирамиды, которые царь посвятил своей возлюбленной. Самые экзотические растения были высажены террасами, сходившими словно с небес до земли.

О самой же владычице древней Ассирии мы знаем в основном благодаря древнегреческому служителю музы истории Клио — Диодору.

Лаиса

Эта прелестница так отличилась за свою недолгую молодость, что, похоже, навсегда вошла в историю в качестве примера любовницы всех времен и народов. Словарь иностранных слов русского языка 1910 года под редакцией А. Н. Чудинова приводит ее имя как нарицательное и дает следующее определение: «ЛАЙСА (греч. от соб. им.). Известная прелестница (гетера) Коринфа, именем которой называют женщин красивых, любезных, но легкого поведения». Образ Лаисы, жившей в V веке до н. э., широко использовался в литературе вплоть до XIX века. Вот Н. М. Карамзин, стихотворение «К неверной»:

*Армиды Тассовы, Лаисы наших дней,
Улыбкою любви меня к себе манили
И сердце юноши быть ветреным учили.*

Сегодня же все электронные справочники в качестве синонима приводят слово «развратница».

Еще девочкой она стала чьим-то трофеем, была увезена с родной Сицилии в Афины и продана любителю прекрасного по имени Аппеллес, которому как раз была нужна натурщица — наложница по совместительству. Ей он со всем тщанием передал свой опыт любовных утех. Он даже разрешал ей зарабатывать самостоятельно в местном борделе в те часы, когда был занят чем-то более важным. Природные данные Лаисы были столь выдающимися, что в народе она сразу обзавелась титулом «превосходящая всех женщин от основания мира».

Отработав у Аппеллеса три года и обретя свободу, Лаиса резонно решила умело распорядиться навыками, полученными за время обучения у художника и в публичном доме, так что сразу отправилась в Коринф, славный известной школой скульпторов, чтобы предложить себя во всех смыслах наидостойнейшим из них.

Одним из достойнейших небезосновательно считал себя творец бессмертного «Дискобола» Мирон, дни которого на то время уже клонились к закату. Старик многое за свою жизнь успел повидать, но и ему хватило одного взгляда на обнаженную Лаису, чтобы утратить дар речи. Поняв, что тут есть за что бороться, он воскликнул: «Бери все, что у меня есть, только останься на ночь!»

Но юная Лаиса в свои годы тоже успела обзавестись немалым опытом, она и не такие предложения получала от мужчин, так что могла позволить себе возлечь лишь с тем, кто ей действительно нравился. Аристиппу она отвечала взаимностью, оцениваемой в целое состояние, а вот нищего Диогена бомжеватого вида (жил в бочке) ублажала со всем своим удовольствием за просто так, стараясь делать это привселюдно.

Выслушав Мирона, представшего перед ней в привычном для него наипростецком и не весьма опрятном виде, гетера окатила его чрезвычайно удивленным взглядом, сморщила носик и ушла не попрощавшись.

Эта встреча подействовала на Мирона так, что тот решил на старости лет поменять имидж. Можно себе представить, как он старался, если известно, что, встретив старика вновь на следующий день и выслушав от него признание в любви, не узнавшая

его Лаиса лишь высказала предположение, не его ли отец вчера делал ей то же предложение!

К чести сильной половины человечества следует отметить: находились и чрезвычайно резистентные экземпляры, которых Лаисе не удавалось взять никакими глазками и ласками. Правда, история запомнила только двоих: ученика Платона Ксенофонта и олимпийского чемпиона тех лет Евбата.

Лаиса фактически занималась в жизни любимым делом да так его любила, что, как свидетельствует Эпикрат, уже и деньги иссякли, и красота увяла, а она все ходила по рядам мужчин, сначала на симпозиумах, позже в подворотнях, пытаясь высесть из своих уже немолодых пьяных глаз искры обольщения и отдалась хоть кому-нибудь, причем совершенно безвозмездно.

В общем, Лаиса принадлежала к тому типу увлеченных людей, которые «сгорают на работе». Да ведь так и произошло. Уже в чрезвычайно преклонном возрасте — около 70 лет, дожить до которых в те времена вообще редко кому удавалось, — она, на свою беду, так увлеклась одним молодым человеком, что готова была пойти за ним на край света. Идя по его следам, она оказалась в Фессалии и, встретив юношу в храме Венеры, открылась ему и страстно предложила себя прямо здесь, на месте. В тот час в храме было вовсе не безлюдно, что нисколько не могло смутить многоопытную гетеру с горячим сердцем. Однако наблюдатели не оценили картину, развернувшуюся перед ними, и забросали нечестивицу камнями. Так и скончалась «превосходящая всех женщин от основания мира».

Столь неоднозначный образ, тем не менее, не мог не остаться в истории. В Коринфе Лаисе благодарными скульпторами был воздвигнут памятник в виде львицы, которая лакомится ягненокком. Надпись на табличке не дошла до нас в оригинальном виде, но, по слухам, гласила примерно следующее: «Здесь покоится та, чья божественная красота повергла к своим ногам даже славу непобедимой Эллады».

Барсина

Барсина (363—309 гг. до н. э.) известна прежде всего как дочь персидского правителя Артабазы и фаворитка Александра Великого.